

— Ты можешь встать?

— Конечно.

Дѣвушка привстала, повидимому, свободно; по платью, запутавшееся въ колеса, не допустило ее подняться на ноги.

Тутъ только представительный господинъ замѣтилъ всю опасность такого положенія.

— Держи, держи лошадей! Держи, ради Бога! — крикнулъ онъ крестьянину, который, хотя былъ придавленъ къ дереву, все еще не трогался съ мѣста и не выпускалъ изъ рукъ уздечекъ.

— Будьте благонадежны, ваше сіятельство.

Господинъ съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнялъ заднія колеса.

— Если можешь, помоги мнѣ высвободить твое платье, — сказалъ онъ дѣвушкѣ. — Тяни его къ себѣ, сильнѣе... Ну!

Послышался трескъ разрываемой ткани, но черезъ минуту или двѣ все было приведено въ надлежащій порядокъ: господа опять сидѣли въ шарабанѣ, а крестьянинъ усердно отвѣшивалъ имъ поклоны, съ шапкою въ рукахъ.

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, спасибо! — говорилъ представительный баринъ. — Ты меня знаешь?

— Какъ же намъ не знать ваше сіятельство!

— То-то. Приходи. Ну, еще разъ спасибо, и прощай.

— Нѣ на чемъ. Прощайте, ваше сіятельство.

Крестьянинъ, низко раскланявшись, простоялъ безъ шапки, покуда шарабанъ не скрылся за деревьями на поворотѣ дороги.

— Дюжѣ убился! — замѣтилъ онъ тогда про себя, потрогивая грудь рукою. — Ажно дышать тяжело.

И, надѣвъ свою дырявую шапченку, онъ медленно побрѣлъ домой, по изрытой водою лѣсной тропинкѣ.

II.

Людмила Сергѣевна княжна Убромская поплатилась за свое паденіе только двумя-тремя царапинами да небольшою ссадиной на лѣвой рукѣ ниже локтя. Приключеніе сошло ей съ рукъ необыкновенно благополучно, и на всѣ тревожные разспросы у нея былъ одинъ отвѣтъ: «никакой боли нигдѣ не замѣчаю, а вообще чувствую себя, какъ нельзя лучше».

Тѣмъ не менѣе князь Убромскій счелъ необходимымъ тогда же выписать изъ губернскаго города мѣстную хирургическую извѣстность.